

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Человек в коррумпивном пространстве

Размышления на материале и на полях исследования

Проблема и терминология: предварительные замечания. Феномен коррупции (в исходном смысле — подкупа, вымогательства, взяточничества) обсуждается и осуждается в России на протяжении по меньшей мере трех последних столетий. Коррупция кажется такой же извечной и столь же неразрешимой проблемой, как пьянство, лень, хамство, мат и т.д. Многочисленные призывы "искоренить" и кампании "борьбы", которые имели место за эти столетия при совершенно разных общественных и политических системах, оказывались равно неуспешными. Имеют свои основания широко распространенные — и подтверждаемые данными массовых опросов — представления о растущей коррумпированности российского общества.

Однако никакое обилие эмпирических наблюдений, массовых суждений, нравственных, правовых и других оценок само по себе не дает еще понимания проблемы. Более того, упрощенные оценки интересующего нас феномена могут уводить от продуктивной ее постановки.

Исходный, простейший смысл термина — подкуп, продажа чиновников, которые берут деньги в собственных корыстных интересах — давно устарел.

Во-первых, субъектами коррумпированного поведения могут быть не только чиновники разных рангов (от начальников разных ведомств до рядовых клерков, инспекторов, сторожей и т.д.), но и преподаватели, журналисты, врачи — все, кто обладает привилегией оказать или не оказывать определенную услугу, разрешить или запретить, ускорить или замедлить исполнение какого-то важного для "соискателя" дела (а также сделать его лучше или "обычно" и т.д.).

Во-вторых, не обязательно коррупция означает прямое нарушение законного порядка: нередко, скажем, взятку вымогают за самую простую и совершенно законную услугу (выдачу какой-нибудь справки, разрешения). К тому же при самом совершенном законодательстве и регламентации — от чего наша жизнь, как известно, довольно далека — всегда имеются какие-то люфты, зазоры, которые могут пониматься и использоваться по-разному.

В-третьих, в коррупционной сделке не всегда фигурируют деньги (или "борзые щенки", т.е. ценности, всевозможные материальные блага), как и во всей нашей экономике, здесь широко применяется и бартер — обмен услугами. Причем к услугам можно отнести, например, исполнение незаконного приказа в "обмен" на благорасположение руководящего лица; обмен услугами в такой ситуации осуществляется как бы "по вертикали" зависимости.

В-четвертых, мотивация коррупции может быть связана не только с лично-корыстными интересами, но и с корпоративными, фирменными, ведомственными, а то и с государственными интересами (в последнем варианте государство выступает в качестве корпорации). И в советских, и в постсоветских условиях корпоративные ориентации всегда были не менее важны, чем противостоящие им (и связанные с ними) индивидуализированные. Отсюда, между прочим, следует, что как "субъек-

том, так и адресатом коррумпивного действия может оказаться социальный институт, группа, масса, общественное мнение.

Феномен коррупции представляется довольно сложным и — по крайней мере, потенциально — всепроникающим. Не в том дело, что чуть ли не "все и вся" намеренно погрязли в коррупции или непосредственно страдают от нее, а в том, что здесь перед нами один из характерных элементов определенного социального механизма (его "сочленений", "узлов", "регуляторов", "энергетических ресурсов" — отнюдь не только метафорической "смазки") в определенных условиях его деятельности. В той или иной степени коррупция пронизывает различные сферы общественной жизни.

Поэтому кажется целесообразным анализ социальных рамок коррупции — в том числе как определенного типа социального (социально значимого) действия, его структуры, условий, вариантов и т.д. Как это нередко бывает, постановка проблемы в более общем виде позволяет подойти к пониманию конкретных ситуаций и явлений, а тем самым к организации соответствующего эмпирического материала. С этим способом подхода к проблеме связано использование термина "**коррумпивный**" применительно к соответствующей социальной ситуации и типу социального поведения. Такой термин представляется удобным для анализа, поскольку он свободен от эмоционально-этической "нагрузки" и применим для характеристики ситуаций или факторов, которые делают коррупцию возможной, даже необходимой. (Можно сослаться также на широкое распространение таких лексических форм, как "активный", "продуктивный" и т.п.)

Возможности и рамки материала. Эмпирическая основа данной статьи — результаты специального исследования ВЦИОМ, проведенного (в сотрудничестве с Московской школой политических исследований) в июне—июле 2000 г. по всероссийской выборке 1600 человек; использованы также данные ряда других опросов.

Эвристический потенциал материала опросов в данном случае ограничен, во-первых, полем зрения "массового" человека, а во-вторых, распространенностью банальных стереотипов восприятия такого явления, как коррупция. Никакое самое тщательное исследование общественного мнения не приводит еще к пониманию природы коррупции, объяснению ее истоков или поискам эффективных средства ее преодоления.

Это отнюдь не лишает ценности, например, массовые представления относительно коррумпированности различных институтов или профессий, распространенности всевозможных форм подкупа и вымогательства, обусловленные непосредственным опытом респондентов, а также варианты осуждающих или оправдывающих оценок, и пр. Существенно также, что в общественном мнении откладываются прежде всего не политические или юридические, экономические, а "**человеческие**" аспекты коррупции — готовность массового человека отвергать или принимать условия коррумпированного существования, меру вынужденного приспособления к этим условиям, т.е. **коррумпированности** самого человека в **коррумпивных** общественных условиях. Как известно, именно через анализ аномальных, "болезненных" феноменов научная мысль подходила к представлениям о "нормальном" функционировании живых систем (медицина — физиология и т.д.); это относится и к социальному знанию.

Коррупция как феномен массовых представлений.

Как видно из результатов исследования, чаще всего к коррупции население относит получение взяток чиновниками разного уровня, подкуп государственных служащих, блат, кумовство при устройстве на работу, предоставление неоправданных льгот и привилегий (подразумевается — за некое вознаграждение), лоббизм. Все это явления близкие или пересекающиеся по своей природе. Ответы на вопрос: **"Что такое коррупция?"** распределились следующим образом*:

Вариант ответа	%
Расхищение государственной собственности/воровство	41
Содействие чиновниками коммерсантам в заключении выгодных для тех сделок за вознаграждение ("откат"), долю в прибыли	10
Содействие чиновниками коммерсантам в уменьшении налогов или в уклонении от налогов (пошлин), других выплат в государственный бюджет	6
"Проталкивание" в органы власти на какие-либо посты "нужных людей"	12
"Проталкивание" чиновниками "нужных" решений/постановлений/лоббизм	7
Использование должностными лицами своего положения для личного обогащения	22
Взяточничество (без уточнения)	28
Взяточничество в высших органах власти	24
Взяточничество муниципальных чиновников, инспекторов ГАИ и т.п.	8
Круговая порука чиновников	13
Сращивание государственного аппарата с криминальным миром	19
Другое	3
Затрудились ответить	8

В дальнейшем ссылки на данное исследование специально не оговариваются.

Массовые представления о коррупции питаются различными, даже разнопорядковыми источниками — личным опытом (непосредственным и косвенным, т.е. суждениями знакомых и пр.), расхожими стереотипами массовой медиа, сложившимися установками в отношении государственных институтов и т.д. В любом варианте в центре внимания оказывается преимущественно хорошо заметная "верхушка айсберга"; скрытые от внешнего наблюдения конструктивные элементы феномена фиксируются редко.

Заметно в то же время, что опрошенные склонны относить к коррупции ряд негативных, "ненормативных" акций разного рода или таких, в которых коррупция присутствует в качестве одного из элементов (расхищение государственного имущества, бюрократические процедуры, связи чиновников с организованной преступностью, нецелевое расходование средств и др.) В каждом из таких действий в качестве составной части может присутствовать взятка, подкуп, вымогательство, но они не определяют всего характера происходящего нарушения. Далеко не всегда правомерно ставить в один ряд или даже отождествлять такие явления, как коррупция, "блат", "теневая экономика", "черный нал" и пр.

Характер корруптивной сделки. Как можно полагать, в рамках предлагаемого варианта аналитического рассмотрения проблемы определяющим признаком кор-

* Сумма превышает 100%, поскольку некоторые респонденты указывали более одной позиции. В % от числа опрошенных, N=1600 человек.

руптивного действия является особый тип социально значимой *сделки*, т.е. действия, имеющего специфическую структуру и исполняющего специфические функции в данной социальной среде или ситуации. Подойти к этой специфике, вероятно, можно, сопоставив корруптивную сделку с другими типами социальных действий, например, нормативными, политическими, экономическими.

В нормативных действиях (традиционных, нравственных, правовых) поведение реализует каким-то образом зафиксированную норму, нормативный императив.

В политических (или, шире, управленческих, контрольных) действиях исполняется приказ, т.е. некоторый заданный "сверху" вариант поведения.

В экономических транзакциях происходит эквивалентный обмен благами и услугами. (Разумеется, речь идет только об идеально-типических моделях соответствующих действий.)

В корруптивной же сделке нетрудно обнаружить элементы сходства со всеми перечисленными типами, даже отсылки ко всем из них, но при ином социальном содержании или смысле самой сделки. Это прежде всего сговор (не столь важно, явный или неявный, вполне или не вполне осознанный) о некотором *нарушении* принятой нормы, правила, традиции, установленного порядка. Грубо говоря, с помощью взятки приобретают не товар, услугу, заказ и т.п., а некую (незаконную, запретную или незаконно установленную) льготу, привилегию на ее приобретение.

Поэтому *подкуп* принципиально отличается от *покупки*. Покупают товар, благо, продукт труда. Подкупают продавца, сторожа, распределителя монопольного или дефицитного блага. (Если вспомнить пушкинскую формулу, можно сказать, что здесь продается "вдохновенье", а не "рукопись".) Соответственно, "продажным" оказывается не продавец товара или труда, а тот, кто за некую мзду поступает правилом, нормой.

В классических экономических моделях поведения, восходящих к А.Смиту, в любом акте купли-продажи (товара, услуги, труда) партнеры исходят из своих собственных интересов. В нормальных, устойчивых экономических отношениях выступают на первый план долгосрочные интересы, которые могут реализоваться только с учетом интересов других субъектов действия и общезначимых норм. Регулярное экономическое поведение в принципе строится по универсально применимым образцам (по правилу, которое Кант назвал "категорическим императивом"; в несколько упрощенном виде — "поступай с другим так, как хотел бы, чтобы он поступал с тобой"). Корруптивная сделка, в отличие от такого образца, всегда строится на краткосрочных, моментальных и сугубо партикулярных интересах участников (схватить, что удастся, не задумываясь о дальнейших последствиях, в известном тексте "а если придется за это платить, то это ж, пойми, потом..."). Она всегда нарушает или обходит общепринятые нормы и чужие интересы.

К тому же, если покупка (при понятных оговорках) может рассматриваться как самостоятельное действие, приводящее к переходу нужного блага в другие руки, то подкуп — всегда действие дополнительное, подсобное, которое лишь создает условия для такого перехода. Это, разумеется, содержание сделки с позиции "подкупающего" (взяточдателя), нуждающегося в данном благе. Для "подкупленного" (взяточполучателя или вымогателя) корруптивная сделка означает получение дополнительного выигрыша от незаконного использования своего положения сторожа, распределителя и т.п. (О "дополнительности", конечно, говорится в смысле сопоставления функций, а не размеров соответствующих затрат или выигрышей.) Если

рассматривать коррумпивное действие как выполнение некоторой "работы", то эта работа совершается не за зарплату, не по долгу, не по принуждению, не по приказу, а за дополнительную приплату как цену нарушения нормы.

В любом случае коррумпивная сделка играет роль дополнительного механизма (триггера, включателя), который приводит в движение, направляет или тормозит какие-то потоки социально-востребованных благ, услуг, действий. Особая проблема — кто и когда (какой тип социальной системы) допускает существование такого механизма, более того, *нуждается в нем*.

В механизме коррумпивного акта могут использоваться как "подкрепляющие" санкции (обещание вознаграждения), так и "угрожающие" (угроза лишения дохода, статуса). Возможности у них неодинаковые: побудить к нарушению какого-то запрета можно и с помощью подкрепления, и с помощью запугивания, но побудить сделать что-либо лучше, видимо, можно только дополнительным поощрением.

Предложенные дефиниции дают определенные основания для того, чтобы выделить **коррумпивные** акции из общей "кучи" таких социально-осуждаемых — часто, впрочем, не без лукавого двоемыслия — феноменов, как "блат", кумовство, кланово-этнические или просто личные связи в экономических или административных структурах (по известной формуле "ну как не порадеет родному челювечку", — а также "челювечку", которого рекомендует начальник или который обладает "нужными" связями и пр.). Конечно, это тоже своего рода дополнительные, **триггерные** механизмы воздействия, предполагающие обмен услугами (взаимовыручка и пр.). Но и по происхождению (наложные традиционных и личностных связей на **формальные**), и по способу действия (**аскриптивные** критерии) такие механизмы существенно отличны от **коррумпивных**; каждый из типов заслуживает особого рассмотрения.

"Вертикали" коррумпивной сделки. В принципе участники любой коррумпивной сделки заведомо неравноправны. На одной стороне — "сверху" — обладатель некоего исключительного права (привилегии), на другой — "снизу" — проситель, желающий или вынужденный пользоваться чужой привилегией (сделка **начальник—подчиненный** — частный случай такой ситуации). Инициатива сделки может при этом исходить как сверху, от обладателя (вымогательство), так и снизу, от просителя ("просто" подкуп). Причем "верх" и "низ" определяются позициями именно в рамках данной сделки, а не социальным статусом или уровнем дохода и пр. Скажем, богат, подкупающий сторожа, чтобы получить доступ на склад, занимает в такой сделке "нижнюю" позицию.

Коррумпивная сделка всегда организована "вертикально", потому что по своему определению она предполагает "нормативный переход", нарушение установленной нормы, запрет, привычки.

Но, пожалуй, наиболее наглядно принципиальное различие позиций участников коррумпивной сделки в ситуациях группового или массового подкупа. И не только в экономической сфере: технологии массового подкупа потребителей и избирателей достаточно близки. Содержание типичной коррумпивной сделки выражено в формуле, приводившейся в свое время популярным американским психологом В.Паккардом: "Мы не товар продаем, а потребителей покупаем". Общая схема "подкупающей" сделки сводится к тому, что потенциальному покупателю (в некоммерческих вариантах — зрителю, избирателю) предлагается некоторая "приманка" (подарок, обещание), исполняющая функции пускового, триггерного механизма, способная побудить колеблющегося потребителя сделать определенный выбор. Адресатом коммерческого или по-

литического соблазна может быть, естественно, только группа, не имеющая устойчивых склонностей или соответствующих антипатий, — та самая середина, "болото", которая может создать необходимый перевес, особенно в ситуации "сумеречного" массового выбора (при отсутствии устоявшихся политических симпатий, неясности ориентиров).

Популистская политика, столь часто востребуемая в электоральные и кризисные периоды, рассчитанная на соблазн (или также запугивание), на использование массовых, чаще всего, не слишком возвышенных страстей, — типичный пример массового политического подкупа. Одна из особенностей его механизма в том, что он направлен не столько на какое-то множество людей, сколько на создание такой общественной атмосферы (восторга или страха — не столь важно), в которой с большей вероятностью люди склоняются к требуемому от них варианту поведения.

Массовый подкуп, как экономический, так и политический, как и любая иная коррумпивная сделка, — трансакция "о двух концах". Компания, подкупающая массового потребителя, не только манипулирует его поведением, но зависит от него, пытается угодить его вкусам. Аналогичным образом оказывается зависимым от общественного мнения политик (со всеми своими рекламистами и "технологами"), манипулирующий этим мнением. Такая двусторонность отличает сделку от "простого" насилия, в том числе и массового. Конечно, силы сторон неравны: высокая организованность и изощренность, с одной стороны, и разобщенность, наивность и пр. — с другой. Но на "другой" стороне еще и массовость, и привычки, в том числе привычное лукавство. Если одна сторона ("сверху") стремится подкупить, то вторая ("снизу") надеется "откупиться" от излишних претензий, сохранить что-то свое и т.д. по всем правилам "лукавого двоемыслия", о котором приходилось размышлять ранее. На этом строится, в частности, вся практика и мифология "своего" Дракона или "своего" рэкета, в том числе и государственного.

Важным дополнением или даже альтернативой соблазняющего подкупа в популистской политике нередко служат факторы устрашения: нагнетание настроений тревожности, угрозы хаоса и бедствий, которые могут явиться результатом нежелательного выбора, конструирование пресловутых "образов врага", нападки на конкурентов и т.д. — все то, что предъявили российскому обществу избирательные кампании 1999–2000 гг., первые предельно **деидеологизированные**, "технологические" (**манипулятивные**).

В структуре массовой коррумпивной сделки, как и во многих других массовых процессах и феноменах, можно обнаружить "игровой" аспект: вовлеченные в сделку не всегда воспринимают ее всерьез. Так, значительная часть избирателей 1996 г. довольно спокойно отнеслась к невыполнению избранным президентом своих обещаний, а большинство избирателей в 2000 г. столь же спокойно восприняли отсутствие у претендента конкретных обещаний. Видимо, люди рассчитывали скорее на обещания, чем на реальные действия, а потому готовы были довольствоваться тем, что им оказали внимание, т.е. **символическим** или эмоциональным вознаграждением.

Еще один, особый (точнее, предельный) вариант коррумпивной вертикали — сделка с собственной совестью, т.е. нарушение наиболее фундаментального нравственного запрета под влиянием актуальных соблазнов и страхов. В мифологии, фольклоре, литературе "покупателем души", соблазнителем человека (его нравственного "я", совести) в такой сделке выступает, разумеется, носитель предельного зла ("Ты часть меня, только самая худшая", — говорит черту Иван Карамазов).

Отметим, что в общественном мнении "вертикаль" коррупции (как нравственной и политической проблемы) воспринимается довольно часто. 34% опрошенных склонны рассматривать коррупцию как проблему экономическую, 30% — как политическую, 24% — как нравственную (12% затруднились дать ответ).

"Корруптивные" времена. Как известно, в традиционном-советском или популистском социальном мировосприятии коррупция обычно связывается с рынком, товарно-денежными отношениями. Но нормальный, развитый, бездефицитный рынок и в теории, и в реальной истории наименее коррумпирован, потому что не нуждается в "триггерах" корруптивного образца. (Точнее, он коррумпирован лишь там, где он остается "ненормальным", монопольным, распределительным.) Наиболее коррумпированы сейчас страны с переходными экономиками и неустановившимися "правилами игры" в обществе; наше чемпионское место не требует пояснений. Согласно оценкам недавно (сентябрь 2000 г.) опубликованного международного "Индекса восприятия коррупции", Россия входит в первую десятку наиболее коррумпированных стран.

По данным исследования, 29% опрошенных считают Россию "одной из самых коррумпированных стран", еще 30% полагают, что уровень коррупции в ней выше, чем в большинстве стран, 26% — что коррупции в стране "столько же, как в большинстве других стран", и только 4% — что этот феномен у нас представлен слабее.

В обществе явно преобладают мнения о резком росте коррумпированности современной российской жизни не только по сравнению с советским периодом, но и с положением, существовавшим год-два назад. Так, 62% опрошенных уверены, что размеры коррупции в России сейчас больше, чем при советской власти (по мнению 17% — столько же, 11% — меньше). Этому представлению "все возрасты покорны" с незначительными различиями, чаще разделяют его высокообразованные (64%) и, разумеется, ностальгирующие по лучшему прошлому сторонники коммунистов (72%, среди демократов — 54%). А суждения относительно изменения коррумпированности за последний год делятся поровну: 41% считает, что ее масштабы увеличились, 42% — что они остались примерно такими же (только 6% усматривают уменьшение).

Представления о ежегодном росте коррупции опросными данными не подтверждаются. Сопоставим результаты двух исследований типа "Экспресс" (по 1700 человек опрошенных), проведенных в 1995 г. и в 1999 г. (табл. 1).

Таблица 1
Приходилось ли Вам попадать в такие ситуации, когда у Вас вымогали взятку?
(в % от числа опрошенных в каждом году)

Вариант ответа	1995 г.	1999 г.
Много раз	9	5
2-3 раза	9	8
Один раз	7	9
Никогда	73	76
Затруднились ответить	2	3

Практически никакой динамики не заметно. Можно полагать, что суждения о постоянном росте коррупции просто транслируют распространенные впечатления, основанные на сравнении нынешнего положения с неким прошлым. А вот эти последние требуют содержательных объяснений.

Понятно, что, переходя на точку зрения обывателя опыта респондентов, мы получаем весьма упрощенную и суженную картину состояния проблемы коррупции (в поле зрения только доступное невооруженному глазу, только непосредственно экономическое и т.д.)

Наблюдаемый за последнее время (допустим, за пять—десять лет) всплеск явной, неприкрытой и непосредственно денежной коррупции связан, по всей видимости, с несколькими тенденциями. Во-первых, с общим кризисом нормативных структур общества, который происходит в условиях социально-экономических, политических, нравственных переломов, одновременного обесценения и сочетания разнородных социальных регуляторов. Во-вторых, с тем, что скрытые ранее механизмы "триггерного" стимулирования, о которых шла речь выше, вышли на поверхность в ситуации развала сложившихся ранее структур социального контроля, в число которых всегда входят и приемы социального лицемерия, двоемыслия.

Все и всяческие формы корруптивных сделок и связей приобретают большой размах и значение преимущественно в переломные эпохи и в пограничных средах общественных отношений — там, где ослаблены "обычные" взаимосвязи между личными и официальными, корпоративными и государственными, локальными и центральными интересами. (Конечно, "обычные" — в данном случае понятие условное, им можно обозначать традиционные и современные, ритуальные и рациональные и другие механизмы, если и поскольку они устойчивы и эффективны). Коррупция неизбежно растет — и обращает на себя внимание — в переходных исторических ситуациях, когда длительное время сосуществуют разные нормативно-ценностные системы, когда "старые" уже дискредитированы, а "новая" не утвердилась достаточно прочно. Причем, что особенно важно, это относится не только к внешним (правовым, полицейским) системам социального контроля, но и к "внутренним" (нравственным, личностным) регуляторам поведения.

Для пояснения проблемы позволительно использовать аналогию из области, отчасти смежной с социологической. В процессе обучения, допустим, собаки постоянные акты подкрепления требуются только на начальных стадиях, потом действуют привычки, послушание, понимание.

Известно, сколь широко пронизаны коррупцией эпохи падения античного и средневекового Рима, разложения сословного строя в Европе, особенно же — поздняя модернизация в странах Азии, Африки, Латинской Америки. В традиционной (допетровской) России градоначальники принимали подношения и "кормились" от вверенного им населения на вполне легитимных, по тем временам, основаниях. Но когда в более поздние и уже несколько просвещенные годы чиновники брали взятки с обывателей, это стало вызывать шумное и беспомощное осуждение. Именно к этой ситуации относится и знаменитая формула Карамзина, описывающая положение в стране одной фразой "все воруют", и гоголевский "Ревизор" и град Глухов и т.д. А далее — бурные всплески коррупции на всех переломах отечественной истории, вплоть до последнего, который разворачивается на наших глазах.

Однако даже самый глубокий и разрушительный перелом может вывести на поверхность только то, что ранее существовало в ином, скрытом виде. Реальная проблема не в сравнении (чисто оценочном, даже просто эмоциональном) "размеров" коррупции в обществе нынешнем и прошлом, а в характере и функциях корруптивных механизмов в разных условиях; отсюда и необходимость обращения к опыту недавней истории.

Советское "наследие": общество соблазненное и запуганное. Одна из особенностей происходящего в настоящее

время в России и других постсоветских странах социального перехода состоит в том, что исходной позицией этого процесса являлась не "обычная" стабильная ситуация, а состояние глубокого внутреннего, в значительной мере скрытого общественного кризиса и разложения.

В дефицитарном и репрессивном обществе, каким мы знали советское, постоянным элементом общественной жизни была погоня за дефицитными товарами и еще более дефицитными льготами (сюда относился и "квартирный вопрос", по авторитетному мнению Воланда, столь портивший москвичей). Столь же постоянными были и **корруптивные** сделки с торговцами, чиновниками и властью "в целом", как институтом; средствами оплаты служили деньги и услуги, включая показную лояльность и ретивое доносительство. Купить, скажем, квартиру было нельзя, подкупить распределяющего чиновника или начальника — можно. Государство, монопольный собственник, никогда не платило работникам "по труду", но постоянно подкупало их подачками, надбавками, теми же льготами (в этом ряду и упоминавшиеся выше "негативные" средства коррумпирования, т.е. угрозы и репрессии). А население, со своей стороны, на деле никогда не "расплачивалось" с государством, не имея ни средств, ни желания для этого, но откупалось, платя "дань" косвенными налогами, обязательными поставками и просто смиренным терпением. "Верх" и "низ" как бы постоянно менялись местами (функциями), что, впрочем, не уравнивало их возможностей. Достаточно организованный государственный Левиафан, подкупающий и запугивающий население, и разобщенные — в том числе тем же набором устрашений и приманок — заводом неравноправные и неравномошные партнеры, сделки.

Система **корруптивных** сделок пронизывала общество в разных направлениях, хотя непосредственно-экономическое (денежное) выражение получала сравнительно небольшая ее часть. Без такого механизма дополнительных, **триггерных** усилий не могли вращаться "колеса" даже самого развитого социализма, не мог поддерживаться "баланс" понуждения и терпения его социальной системы.

В обществе советского периода за все десятилетия его существования не были найдены регулярные, "нормальные" механизмы взаимодействия между государством и человеком, стимулирования труда, инициативы и т.д. "Привлечение к труду — главная проблема социализма", — говорил В. Ленин в 1920 г., и эта формула сохранила свое значение для всего периода с его нескончаемыми попытками добиться эффективной сделки между властью и подданными. Все варианты укладывались в описанную выше модельную схему корруптивной сделки — и взвинчивание настроений направленной массовой ярости или деланного энтузиазма, и атмосфера массового страха, и искусственные стимуляторы "ударного" труда. Все они сопровождались шумными пропагандистскими кампаниями, бесконечными приписками в отчетах, созданием образов "врагов" и "героев". Использовались оба типа корруптивной стимуляции: репрессивный и поощрительный, с помощью дисциплины устрашения пытались обеспечить какой-то внешний порядок (выход на работу), с помощью надбавок и наград — трудовые подвиги. Реальные результаты — производительность труда в контексте международных сравнений — оказались мизерными.

Собственно денежные формы в этих механизмах имели вторичное значение просто потому, что в обществе, где правила страха и льготы, деньги играли подсобную роль.

Отсюда, конечно, и болезненность того обвала, который почти в одночасье обесценил систему скрытой и явной, но преимущественно неэкономической, коррупции и вывел

на поверхность общественной жизни только "денежные" стимуляторы поведения, причем в самых архаичных и примитивных формах. Лишенное (точнее, не имевшее) "нормальных" регуляторов общество оказалось захваченным всепроникающими сериями корруптивных сделок различного масштаба, но однотипных по структуре и механизмам действия. Причем, если для советских времен характерным был тип сделки, в которой статус (власть, привилегии) обменивался на богатство, т.е. использовался как средство обогащения, то сейчас характерным стал обмен богатства на статус. Престижные позиции, выборные должности, полезные решения и т.д. стали покупными, причем безо всяких внешних или внутренних ограничений, поскольку системы социального контроля не действуют.

Два поясняющих примера. Обсуждение госбюджета на 2001 г. началось в Думе с решения вопроса о престижных квартирах и прочих благах для депутатов: избранные втянуты в корруптивную сделку. В некоторых микрорайонах Москвы массовое одобрение строительных проектов достигается с помощью приплат к пенсиям жителей за счет застройщиков: происходит вульгарный подкуп избирателей. В обоих случаях действует одна и та же схема — функции дополнительного (на деле — решающего) стимула исполняет прямой денежный подкуп. Почти как "там", впрочем, с одним весьма существенным отличием: никакой школы формирования социальных ограничителей, контрольных механизмов, иммунитета наше общество не проходило.

Социальное пространство коррупции в массовом воображении. Распределение мнений о сферах большего или меньшего распространения коррупции в нынешнем российском обществе представляет интерес в двух отношениях. Это довольно ценный показатель установок населения по отношению к социальным институтам, прежде всего — институтам власти, а также показатель рамок личного и вторичного (масс-коммуникативного) опыта знакомства с этим феноменом.

73% опрошенных полагают, что "взяточничества и коррупции больше в государственном секторе", и только 13% отдают приоритет частному сектору. Чаще всего при этом (45%) взяточничество приписывают руководителям предприятий и учреждений, реже (24%) должностным лицам среднего уровня, совсем редко (3%) — младшему персоналу; 23% считают, что берут взятки "все в равной мере".

Очевидно, здесь перед нами характерная для нашего общественного мнения склонность искать источники "зла" (и ответственности) прежде всего в *государстве*, и притом преимущественно *"наверху"*.

В табл. 2 представлено распределение мнений относительно коррупции в различных учреждениях. Данные ранжированы в порядке частоты упоминаний во второй колонке.

Как видим, верхние строчки в табл. 2 занимают правоохранительные органы, т.е. те, которые как будто призваны в первую очередь препятствовать беззакониям. Причем это учреждения, о деятельности которых люди в значительной мере знают по собственному опыту (или по опыту родственников, соседей). Такие институты, как службы госбезопасности или президентская администрация известны большинству населения только по косвенным источникам — из СМИ, из политической мифологии. Поэтому место, которое приписывается подобным организациям на "коррупционной шкале" связано с общими установками доверия/недоверия. Преобладают мнения о высокой степени коррумпированности почти всех перечисленных в опросе государственных, общественных и

Таблица 2

Насколько широко распространены коррупция и взяточничество в таких учреждениях, как... (в % от числа опрошенных)

Учреждение	Мало*	Широко**
Милиция, МВД	9	83
Суд, прокуратура	13	79
ГИБДД	8	72
Налоговые службы	15	71
Военкоматы	18	69
Крупные компании, банки	16	69
Министерства и ведомства	14	69
Вузы	18	71
Власти (города, района)	17	71
Власти (края, области)	16	71
Государственная Дума	17	67
Таможни, пограничные службы	17	64
ТВ, СМИ	29	57
Больницы, здравоохранение	36	55
Воинские части	26	55
Администрация президента	27	54
Службы госбезопасности	29	46
Промышленные предприятия	38	44
Школы	56	31
Церковь	55	19

* "Совсем нет" и "не очень распространены".

** "Довольно распространены" и "очень распространены".

экономических институтов; только церковь и школа кажутся мало подверженными этому злу.

Правда, около трети опрошенных надеются, что с приходом к власти нынешнего президента коррупции в стране все же будет меньше. В последнем случае наблюдается очевидная связь с оценкой действий президента. Из одобряющих деятельность В.Путина (их на момент опроса было около 60%) 41% полагает, что масштабы коррупции уменьшатся, из неодобряющих — только 14%. Прямая связь суждений о судьбе коррупции с политическими надеждами очевидна.

Приведенный материал позволяет представить некоторые черты столь распространенного в обществе **патерналистского** сознания. Образ его адресата (отеческого государства) — во всех своих эмпирических воплощениях — оказывается преимущественно негативным. И учреждения, и чиновников население оценивает по делам их (в том числе по делам, которые им приписываются в общественном мнении), а при этом отвлеченный образ государства как будто сохраняется. Причины такого расхождения оценок несут, скорее всего, сугубо практический характер: человеку запуганному, соблазняемому и при этом беспомощному не на кого больше надеяться. Поэтому, в частности, как мы увидим несколько позже, в "борьбе" с коррупцией население рассчитывает преимущественно на ту же власть.

Любопытным дополнением к приведенным данным о распространенности коррупции служат ответы на вопрос о собственном опыте людей, которые становились объектами вымогательства в различных ситуациях. Приведем распределение ответов на вопрос: **"Случалось ли за последние три года, чтобы с Вас или с**

Ваших родственников, друзей вымогали взятки, подношения?" (в % от числа тех, кто оказывался в перечисленных ситуациях):

Повод для вымогательства	%
Нарушение правил дорожного движения	54
Получение заказа на выполнение работ для коммерческих фирм	37
Пребывание в больнице	36
Поступление в институт	36
Получение квартиры	28
Разбирательство по уголовному делу	28
Получение водительских прав, регистрация/техосмотр автомашины	25
Получение разрешения на покупку земли/на строительство	24
Общение с работниками военкомата по поводу призыва в армию	22
Устройство на работу	16
Уплата налогов	16
Поступление ребенка в школу	13
Регистрация (прописка)	12

Картина оказывается довольно одноцветной, почти во всех выделенных ситуациях вымогательство встречается часто. Реже всего требовали взятки за прописку; должно быть, это связано с тем, что неконституционная "разрешительная" регистрация сохранилась в немногих городах, включая Москву.

Человек и коррупция: уровни терпения. Свидетельство глубокой коррумпированности социального поля — готовность значительной части населения приспособиться к такой ситуации как неизбежной.

Таблица 3

Насколько допустимо, по-Вашему... (в % от числа опрошенных)

Вариант ситуации	Допустимо*	Предосудительно**
Устроить кого-либо на работу по блату	57	38
Использовать связи для карьеры	46	49
Делать подарки врачу, учителю	60	37
"Отблагодарить" за услугу	74	21
Дать взятку чиновнику	29	64
Дать взятку "в интересах дела"	38	54
Оказывать незаконную услугу за услугу	40	53
Не платить налоги	18	75

* "Вполне допустимо" и "в целом допустимо"

** "В целом предосудительно" и "крайне предосудительно".

Уровень приспособления к **корруптивной** среде в общем достаточно высок. "Отблагодарить" за услугу считают правоммерным две трети, дать взятку — более четверти (но если это "для дела", то одобряющих уже — более одной трети) (табл. 3). Следует учесть также, что при ответах на столь деликатные вопросы декларации часто расходятся с реальными действиями: многие люди стремятся представить свое поведение в лучшем, более "правильном" виде. Это видно, например, по ответам о необходимости платить **налоги**.

С этим непосредственно связано и суждение преобладающего большинства (60%) опрошенных о том, что сейчас ни один вопрос нельзя решить, не дав взятки: "не подмажешь — не поедешь". Более трети (37%) опрошенных полагают, что ситуации, когда ради решения какого-нибудь дела допустимо дать взятку **чиновнику**, бывают довольно часто, 22% — что это случается редко, лишь 24% — что таких ситуаций никогда не бывает.

Более половины опрошенных считают, что в нашей стране нельзя жить, не нарушая закона, не согласны с этим около трети ("счет" 52:32). Важно **знать**, что стоит за мнениями о всеобщем беззаконии: то ли осуждение такой ситуации, то ли оправдание собственного приспособления к ней. "Все нарушают — значит, это допустимо..." — об этом свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

Нельзя жить, не нарушая закон?
(в % от числа опрошенных, по столбцу, данные по затруднившимся ответить не приводятся)

Вариант ответа	Дать взятку чиновнику...	
	допустимо	для пользы дела
Да	35	45
Нет	21	31

Итак, согласные с тем, что у нас нельзя жить, не нарушая законов, взятку считают допустимой значительно чаще (в полтора раза и более), чем не согласные с этим. Получается, что сетования на беззакония скорее служат прикрытием собственной готовности следовать за нарушителями. И точно так же те, кто заявляет, что ничего нельзя сделать без взятки (это 60% опрошенных), гораздо чаще взятки оправдывают.

Только 13% считают, что взятки дают "в основном жулики и преступники", 29% — что так поступают в основном "простые люди, у которых нет других способов добиться решения своих проблем", но большинство (51%) — что "взятки дают все, кто сталкивается с должностными лицами". По мнению 11% опрошенных, большинство людей, которым приходится давать взятки, делают это "с легким сердцем, без угрызений совести", 40% полагают, что взятки дают "скрепя сердце", а 31% — что это делается "с огромным внутренним сопротивлением".

Основная проблема не в наличии и даже не в широком распространении **корруптивных** связей в нынешнем российском обществе, а в отсутствии четкого водораздела, грани между **корруптивным** и "нормальным". Корруптивная среда формирует человека, принимающего коррупцию как неизбежное зло, а то и как средство решения своих проблем. В том и другом случае — беспомощного перед этим явлением.

Вечные вопросы: "кто виноват?" и "что делать?" Посмотрим теперь, как в общественном мнении связываются концы с концами, т.е. как соотносятся суждения об источниках коррупции и средствах противодействия ей.

Мнения об основных причинах коррупции в России распределились следующим образом (в % от числа опрошенных, ранжированы по частоте упоминаний):

Причины коррупции	%
Мягкие наказания, отсутствие страха перед наказанием	33
Нынешний экономический и финансовый кризис	30
Круговая порука чиновников	29
Падение уровня морали в обществе	27
Слабость государственной власти	27
"Теневая экономика" и "черный нал"	21
Низкие зарплаты госслужащих	15
Традиционный способ решения проблем	14
Высокие налоги	12
Наследие социалистического прошлого	11
Существующая система льгот и привилегий	10
Влияние западных стандартов поведения	10
Результат внедрения рыночных отношений	5
Государственное вмешательство в экономику	3

Наиболее интересно в этом списке то, что "либеральные" и "антилиберальные" установки оказались наименее популярными (две последние позиции). На первых местах ситуативные причины (кризис), жалобы на слабость власти и страх перед ней (страх наказаний). Здесь перед нами важная особенность российского общественного мнения — упование на авторитет силы.

Немалая часть населения склонна видеть в страхе перед суровыми карами оплот вождя порядка. Примечательно, что это мнение разделяется почти в равной мере в различных политических направлениях: например, 32% среди нынешних сторонников коммунистов и 36% среди демократов(!). Такие настроения всегда используют авторитарные, диктаторские системы власти. Наказания за взятки и подкуп, действительно, мало кого пугают, но это не столько причина, сколько следствие тех явлений в современном обществе, на которые указывают приведенные выше данные исследования.

Только 12% опрошенных полагают, что в России "можно полностью искоренить коррупцию и взяточничество", 52% — что можно существенно уменьшить масштабы этих явлений, а 29% — что "с этим социальным злом ничего нельзя сделать".

В ряду мер, которые опрошенным кажутся наиболее эффективными для противодействия коррупции, выделим две основные группы. 36–40% делают упор на рост уровня жизни, стабилизацию экономического положения, соблюдение законов, — все это, так сказать, "регулярные", в основном экономические, меры. Другая группа предлагаемых мер — "чрезвычайного", силового порядка (ужесточение наказаний, усиление государственного контроля) получает до 45% массовой поддержки. (Как это всегда бывает в опросах, масштабы согласия или несогласия с какой-либо позицией сильно зависят от контекста и формулировки вопроса). Еще одна, менее популярная, группа предложений носит "антибюрократический" характер: сокращение аппарата, упрощение бюрократических процедур, замена нечестных чиновников честными кадрами, тщательные проверки принимаемых на должности и пр. Поддерживают такие меры до четверти опрошенных.

Кстати, широко обсуждаемое сейчас в печати существенное повышение зарплаты чиновникам для противодействия их коррумпированности не получает (и никогда не получит) заметной массовой поддержки. В разных контекстах такую меру считают полезной от 5 до 13%, бесполезной — 80%.

Подавляющее большинство опрошенных, как мы видели, соглашались с тем, что коррупция в государственном секторе гораздо более распространена, чем в частном, а наиболее коррумпированными являются чиновники, причем именно в правоохранительных ведомствах. В то же время почти четверть опрошенных (23%) видят противодействие от коррупции в усилении государственного контроля "за всеми сферами жизни общества" (и кажется удивительным, что с этим в равной мере согласны сегодняшние коммунисты и демократы — по 25 и 26% в каждом из этих направлений). Надежда на спасительную руку государства не покидает людей, не умеющих найти силы в самих себе.

Обнаружить какое-то специальное сильно- и быстродействующее средство "борьбы с коррупцией" общественное мнение, конечно, так же не способно, как и власти или их ученые советники — просто потому, что его не существует, как нет, например, универсального рецепта преодоления бюрократизма, преступности, бедности и пр. Динамика общественного мнения скорее позволяет рассмотреть не то, что "нужно сделать", а то, чего "нельзя (не удастся) сделать" при всем старании.

Дефицитарная система экономики с такими ее непреходящими атрибутами, как очереди, карточки, льготы и неизбежное коррумпирование распределительной системы, уступила место видимому потребительскому изобилию. Однако остаются — и надолго останутся — дефицитными качественная медицинская помощь, качественное образование, престижная и хорошо оплачиваемая работа, социальная и правовая защита и многое другое, а вместе с этим остается и естественная, "привычная" ниша для корруптивных сделок. Легализованы частный бизнес и валютный обмен (для физических лиц), тем самым утратила смысл целая сфера теневого бизнеса и связанный с ней вид коррупционных сделок. Но одновременно получили развитие многообразные формы рэкета (вплоть до государственного), льготной приватизации, отмывания сомнительных доходов и т.д. При отсутствии независимой судебной системы и необходимой правовой базы, при высокой коррумпированности самих милицейских, прокурорских, судебных органов (как мы видели, это последнее обстоятельство хорошо ощущает и общественное мнение).

Простых решений здесь — как, впрочем, и почти нигде — не существует. В принципе коррупция общественной системы может быть сведена до какого-то минимума в масштабах исторических сроков (цивилизационное время), а не в рамках и не средствами указов или призывов. Но соблазн "покончить", "нанести решительный удар" остается и на многих (и власть имущих, и от власти зависящих) действует. Около 30% опрошенных поддерживают политически модный вариант "нанести удар коррупционерам в высших эшелонах власти". Значительная часть населения явно хотела бы видеть в действиях Президента В.Путина против непокорных олигархов и губернаторов что-то вроде похода на коррупционеров.

Этот соблазнительный призыв опасен прежде всего потому, что термин "коррупция", который может быть расширен каким угодно образом, обладает силой массового эмоционального раздражителя. Он явно сродни знаменитому призыву "огонь по штабам" времен "культурной революции" в Китае (вторая половина 60-х годов). Отечественная история советского периода знала ряд подобных кампаний, вовлекавших массы призывами отмщения знатным, богатым, ученым, бюрократам и прочим "чуждым". Всякая популистская (по механизму) "борьба" такого рода сводилась к попыткам заменить нежелательный экономический подкуп желаемым идеологическим. В конечном счете это значило "клин клином" еще глубже "загнуть", вместо того, чтобы "выбить".

Но реальной целью всех антикоррупционных кампаний, кто бы и под какими лозунгами их ни устраивал, была вовсе не борьба против коррупции (реальной или придуманной), а нечто иное — мобилизация массовой ярости против враждебных сил и массовой поддержки организаторов очередного "великого похода". Иначе говоря, мобилизация сил, способных ломать рамки законов и традиций, прокладывая — по крайней мере, потенциально — дорогу террору и диктатуре. Именно этим наиболее опасны популистские кампании.

Конечно, прямой линии перехода от популистской демагогии к массовому насилию не существует, требуются промежуточные действия и условия, чтобы "предельные" угрозы примитивных решений стали реальностью. И чужой, и наш собственный, в том числе совсем недавний, опыт показывает, что на любой соблазн и подкуп общество способно отвечать защитными реакциями разного рода, в той или иной мере успешными. К ним относятся не только акции разоблачения или организованного сопротивления, малоэффективные в отечественных измерениях, но и сопротивление самого "материала" — нравов, привычек, установок людей, — способное действительно противопо-

ставить "клин клину", т.е. на стремление "подкупить" ответить симметричной акцией типа "откупиться". Это не выводит общество из коррумпивного поля, но может свести на нет многие попытки превысить допустимые уровни его напряжения. Некоторые примеры тому как будто дает и практика последних месяцев.

Владимир ГОРЯИНОВ

Построение эмпирической концепции жизненного цикла объединений лидеров и их сторонников в российском обществе^{1*}

Задача данного исследования — выявить показатели динамики поддержки политических лидеров и построить типологии объединений лидеров и их сторонников, характерные для современного российского общества.

Основные понятия: *Лидерская консолидация* — это сплочение, или объединение, сторонников вокруг политического лидера, выражающееся в доверии лидеру и в готовности голосовать за него на выборах. *Лидерская система (ЛС)* — это лидерская консолидация, исследуемая с ориентацией на системный подход. Примеры лидерских систем — "Лидер—сторонники", "Лидер—сторонники—нейтралы—противники". *Жизненный цикл ЛС* — это последовательный ряд возникающих более мелких циклов, который далее закономерно повторяется во времени у той же ЛС или сходным образом повторяется у других ЛС. Например, циклами являются повторяющиеся через некоторое время социальные ситуации становления, стабилизации, подъема и спада рейтинга доверия политическому лидеру, фиксируемые в динамических рядах показателей. Наиболее изученным циклом жизни ЛС является цикл У.Нордхауса^{2*} — это закономерное повышение политико-деловой активности политического лидера, его аппарата и его сторонников до и после выборов. Такого рода циклы характерны для западных демократий. Нами в работе^{3*} было показано, что и в российских социально-политических условиях выборов президента 1996 г. возник цикл такого же типа, и он закономерно повторился в президентских выборах 2000 г.

Очень близкое по содержанию понятие Ю.А.Левада^{4*} обозначает термином "мобилизация доверия" перед выборами. Представления о понятии и механизме "политической мобилизации" изложены в работе Л.Д.Гудкова и Б.В.Дубина^{5*}.

Жизненные циклы ЛС обязаны своему существованию во времени главному их организатору и подчас их единственному создателю — политическому лидеру, который консолидирует их через СМИ. Для ЛС характерно наличие механизма отбора и привлечения к декларируемым морально-политическим взглядам и настроениям опреде-

^{1*} Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-03-00086).

^{2*} Nordhaus W. Political Business Cycle // Review of Economic Studies. 1975. N 42. P. 169—190.

^{3*} Горяинов В.П. Факторы, влиявшие на социальные группы России в политико-деловом цикле В.Нордхауса // Социологические перспективы. М.: УРСС, 2000.

^{4*} Левада Ю.А. Факторы и фантомы общественного доверия (постэлекторальные размышления) // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5. С. 7-12.

^{5*} Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: Время "серых" // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 2. С. 17-29.